

УДК 82-992

DOI 10.17223/24099554/1/2

Т.Т. Гузаиров

МИР И ВОЙНА, ИЛИ ПАРАДОКС ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К СТАТЬЕ ЖУКОВСКОГО «ПИСЬМО К ГРАФУ Ш. О ПРОИСШЕСТВИЯХ 1848 Г.»

В революционную эпоху 1848 г. Жуковский последовательно осудил народный бунт, свержение законной монаршей власти, коммунизм, парламентаризм, коммунизм, русофобию. Поэт настаивал на внутреннем мирном развитии России, не вмешивающейся в европейские дела. Жуковский развивал идею об особом пути России к Святой Руси, к обретению Божьей Правды. Политическая концепция поэта была тесно связана с идеализацией самодержавной власти и сакрализацией русского царя, что привело в итоге к аналогии венгерской кампании и созданию утопического Иерусалимского проекта. Парадокс Жуковского заключался в идее духовного преображения России, которое подразумевало политическое развитие империи без приобретения новой территории.

Ключевые слова: революция, война, мир, император, политическое воображение.

В 1841 г. наставник наследника престола В.А. Жуковский вышел в отставку, покинул Россию и обрел столы долго ожидаемое семейное счастье. Поэт женился на дочери своего друга, живописца Е.Р. Рейтерна, 20-летней Елизавете Евграфовне. В 1842 г. в семье Жуковских родилась дочь Александра (в 1844 г. – сын Павел). В начале 1842 г. поэт приступил к работе над переложением «Одиссеи» на русский язык. В жизни Жуковского наступило, казалось бы, благословенное время. Обретение своего Дома (пусть и за границей) было неотделимо в сознании Жуковского от мысли о России – о необходимости ее защиты в Европе. В том же 1842 г. 28 октября поэт писал великому князю Константину Николаевичу: «В публичных листах известий о России искать нельзя: они врут без памяти <...> Эта ненависть к России, без особенной причины, есть замечательный феномен нашего времени» [1. Т. 6. С. 356–357]. Тема русофобии возникнет в трех политических статьях Жуковского революционной эпохи «Весны народов» – в «Письме к графу Ш. О происшествиях 1848 г.» (1848), «Русской

и английской политике» (1850), «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» (1850).

22 февраля 1848 г. на балу Николай I получил депешу о начале революции в Париже. Согласно историческому анекдоту царь прервал бал фразой: «Седлайте коней, господа, во Франции провозглашена республика!» (цит. по: [2. С. 376]). В Европе наступила «Весна народов». В ночь на 14 марта произошло народное восстание в Вене. 18 марта в Берлине король Фридрих Вильгельм IV был вынужден подписать указ о созыве парламента. Европейские революционные события, общая политическая нестабильность, чума – эти знаковые явления «Весны народов» непосредственно влияли на уклад и благополучие семьи Жуковского: здоровье жены ухудшилось, поэт вынужден был переезжать из одного города в другой и не мог вернуться в Россию¹. Резко отрицательное отношение Жуковского к «Весне народов» и цикл написанных для тома «Духовной прозы» историко-политических статей были *психологически* связаны стремлением поэта защитить свою семью, обретенный дом и, как следствие, Россию.

Первой публичной реакцией Жуковского на революцию в Европе стало анонимно опубликованное в России «Письмо Русского из Франкфурта» (12 марта 1848 г. в газете «Северная Пчела»). Эта статья представляет собой отрывок из письма поэта к великому князю Александру Николаевичу от 5 марта; эта публикация создавала необходимый читательский фон для восприятия главного текста тех дней.

¹ См. письма Жуковского к А.П. Елагиной. 7 марта н.с. 1848 г. поэт писал: «Здесь оставаться не должно; ибо война может всякую минуту вспыхнуть. Если бы были крылья, сию же минуту мы перелетели бы в Россию. Но теперь надо ждать дороги <...> Мне горько одно – то, что, вероятно, жене не удастся воспользоваться Эмсом во второй раз; он так было ей помог, что Копп назначил ей во второй раз нынешним летом ехать в Эмс – но позволят ли это обстоятельства» [3. С. 570]. 19 апреля / 1 мая из Франкфурта-на-Майне Жуковский сообщал: «<...> мы принуждены были уехать из Ганau: там царствует анархия во всей своей неопрятности; <...> с самого приезда она <жена> в постели, вчера только поднялась и очень слаба» [3. С. 574]. 6 / 18 августа в письме из Кронталя Жуковский признавался Елагиной: «<...> холера запрещает ехать.<...> Бедная моя жена! Бедная моя семейная жизнь! <...> Мне очень тяжело оставаться еще на девять месяцев посреди этого германского хаоса, который грозит проглотить общество; мы живем на горячей лаве; нельзя ни на что понадеяться; <...> сердце кипит злобою за неправду, которая, как публичная девка, бегает растрепанная и пьяная и бешеным криком сзывает вокруг себя своих поклонников, которые все ломают, чтоб вновь построить» [3. С. 574]. Характерно, что вторая часть статьи «Письмо к графу Ш. О происшествиях 1848 г.» была написана Жуковским на следующий день, 7/19 августа. Страх, злоба и поиск надежды, защиты – это тот эмоциональный фон, на котором поэт писал статью и который преломился в ее содержании, предопределил набор полярных сюжетов. Ср., с одной стороны, русофobia и описание бунта в Германии, а с другой – идеализация Николая I и Кельнский праздник, устроенные Фридрихом-Вильгельмом IV.

13 марта Николай I лично составил манифест об объявлении войны всем европейским революционным силам, который заканчивался фразой: «С нами Бог, разумейте, языцы, и повинуйтесь, яко с нами Бог!» (цит. по: [2. С. 378]). Император позиционировал себя единственным и истинным защитником идеала абсолютной христианской монархии. К европейским границам России начала стягиваться 300-тысячная армия, что усилило европейские слухи о возможном наступлении русских войск на Пруссию¹.

С самого начала «Весны народов» в каждом письме к цесаревичу Александру Николаевичу Жуковский доказывал практическую пользу для России военного невмешательства в европейские дела. Уже 17 (29) февраля 1848 г. он предупреждал: «...устремленная на внешнее она (Россия. – Т.Г.) только может растратить свои силы и чужим потрясением разрушить свое собственное здание» [4. Т. 6. С. 541]. 5 марта он подчеркнул: «<...> мы тверды нашими внутренними силами и богаты будущим, но тверды у себя, а не вне наших пределов» [4. Т. 6. С. 543]. В другом мартовском письме поэт утверждал: «Все надежды наши на самобытность России, которая во всей силе может отделиться от Запада и стоять твердо за свою стену» [4. Т. 6. С. 549–550]. В рассуждениях Жуковского этого времени соединились две, ранее неприемлемые, идеи – о внутреннем развитии и о сознательной изоляции России. Хотя поэт поддерживал императорский декларативный манифест, он настаивал: действия России должны быть исключительно оборонительными, Россия в одиночку не может следовать принципам Священного союза.

Жуковский интенсивно размышлял о мирном и военном сценарии разрешения кризиса, что нашло отражение в эпистолярии и публицистике. В связи с проблемами русского образа действия в революционную европейскую эпоху и особого русского пути в целом в настоящей работе мы рассмотрим идейную структуру статьи В.А. Жуковского «Письмо к графу Ш. О происшествиях 1848 г.» (далее – Письмо к Ш.).

Статья представляет собой письмо Жуковского к немецкому поэту, графу Адольфу Фридриху фон Шаку (1815–1894). Шак познакомился с Жуковским во Франкфурте и перевел ряд его лирических произведений. «Письмо к графу Ш.» состоит из трех частей, написан-

¹ В конце года, 25 декабря 1848 г., Мериме иронично заметил: «J'apprends le russe. Peut-être cela me servira-t-il un jour à parler aux Cosaques dans les Tuilleries» / «Я учу русский язык. Возможно, однажды он мне пригодится, чтобы разговаривать с казаками в Тильери» (цит. по: [5. С. 511]).

ных в разное время и датированных автором. Первый фрагмент был создан 7 июля / 25 июня, второй – 7 / 19 августа, третий – 25 августа 1848 г. Непосредственным импульсом к созданию каждого отрывка служили круг чтения Жуковского и события в России и Пруссии. Первый фрагмент был написан как отклик поэта на антироссийские публикации в немецких газетах и под влиянием чувств, испытанных Жуковским во время исполнения гимна «Боже, царя храни!» в день рождения Николая I. Второй отрывок был инспирирован чтением описания Кельнского праздника в газете «*Kölnisher Zeitung*» и книги друга, государственного деятеля И. Радовица «Германия и Фридрих-Вильгельм IV». Третий фрагмент был создан после прочтения Жуковским книги пастора Либетрута «Пруссия и король».

«Письмо к графу Ш.» является первым итоговым размышлением Жуковского о событиях «Весны народов», о значении традиции и монарха, о взаимосвязи самодержавной власти, народа и истории в новой политической ситуации. Поэт последовательно осудил русофобию, народный бунт, коммунизм, парламентаризм и секуляризацию монаршей власти. Исследователи отмечали, что в статье «Письмо к графу Ш.», как и в других письмах и статьях 1848–1850 гг. Жуковский противопоставляет охранительную политику революционным идеям, развивает более широкую мысль о русском особом пути развития, о России как отдельном мире, не принадлежащем ни Западу, ни Востоку (см.: [6. С. 263–272; 7. С. 343–345]). Идеи Жуковского о мирном внутреннем развитии России объединяют эту позднюю статью с текстами 1820–1830-х гг.¹ и указывают на влияние Н.М. Карамзина, записки «О древней и новой России» [8. Ф. 865. № 146].

Отличительной чертой историософской позиции позднего Жуковского является развитие идеи о *Божьей правде*² и о самобытном пути России именно к *Святой Руси*. Поэт определил четкий (хотя и воображаемый) вектор непрерывного, поступательного движения империи. Характерно, что между первой и второй частью «Письма к графу Ш.» Жуковский написал в Кронтале 23 июля / 5 августа статью

¹ См. отрывок в статье «Воспоминанье о торжестве 30 августа 1834 года» (1834): «<...> дни боевого создания для нас миновались <...> наступило время *создания мирного*» [9. С. 66]. Ср. с фрагментом из «Письма к графу Ш.»: «Для этой России пора боевого создания миновала и начинается пора создания мирного» [9. С. 210].

² Утверждаемая поэтом «Божья правда, как подчеркивает А.С. Немзер, предполагает единство и смиление, отказ от любых форм своеобразия, энтузиастического желания улучшить мир, то есть насилиственно привести его к всеобщему счастью» [10. С. 379].

«О стихотворении: Святая Русь. Письмо князю П.А. Вяземскому», развивавшую его мысли об особом статусе и исторической роли: *Русского Бога – Святой Руси – церкви – самодержавия* (см. подробнее: [11. С. 137–147]). Летом 1848 г. в общие размышления Жуковского о Боге и монаршей власти органично входят частные раздумья поэта о Николае I, его личности и исторической миссии. Именно образ русского царя определяет смысловую ось, вокруг которой строятся главные сюжеты в «Письме к графу Ш.».

В первой части статьи Жуковский сравнивает и противопоставляет двух монархов – Николая I и Фридриха Вильгельма IV [12. С. 24–42]. Несмотря на проявленную прусским королем слабость во время бунта, ему присуща, с точки зрения Жуковского, черта истинного императора – самоутверждение власти. Под таким названием поэт напишет специальную статью для предполагаемого тома «Духовной прозы».

Сравнение черновика, авторизованной копии «Письма к графу Ш.», и наиболее полной его публикации в Полном собрании сочинений 1902 г. показывает, что А.С. Архангельский не включил в окончательный вариант только один фрагмент. Это запрещенное в 1850 г. цензурой рассуждение Жуковского об отношении между мятежниками, прусским королем и армией. После фразы, заканчивающейся словами «...за своего законного Государя против уличного бунта?», в черновом варианте следовал фрагмент:

Наконец как могли не понять всей великолести того **самоутверждения** (здесь и далее выделено нами. – Т.Г.), с каким было уступлено беспорядочной толпе торжество победы по одному повелительному слову Монарха, не понять всей великолести этого равнодушия к обвинительным воплям бунтовщиков, не знающих, что такое честь солдата, не понять всей <самобытной> силы этого повиновения и этой верности, которая, подле таких оскорбительных событий, не изменились ни в генерале, ни в солдате и теперь представляют нам восхитительное торжество дисциплины, <которую> столь всегда отличалась многословная Прусская армия? [13. Л. 45].

Жуковский отчеркнул этот отрывок на полях и поставил знак “V”. Во фрагменте идет речь о приказе армии, который был отдан 18 марта 1848 г. Фридрихом Вильгельмом IV, прекратить подавление внезапно вспыхнувшего восстания и отступить к дворцу¹. Вместе с тем в статье

¹ Это решение Жуковский позднее прямо осудил в письме от 16 / 28 мая 1848 г. из Франкфурта к великому князю Александру Николаевичу: «Я знаю наверное, что дано было войску остановить бой и сосредоточиться у дворца, а не выйти из Берлина, что это последнее было решено обезумевшим и потерявшим голову министром, который на возражение принца Пруссского закричал: вы хотите даром лить кровь народную, и что это восхищание,

и письмах к великому князю Александру Николаевичу Жуковский упрекал прусского короля за проявление слабости духа в решительные мгновения бунта. На фоне Фридриха Вильгельма IV Николай I, с точки зрения поэта, предстает образцом идеального монарха, в котором идея самоотвержения власти проявилась в исключительной полноте и силе. В качестве аргумента поэт описывает в «Письме к графу Ш.» присягу тогда еще великого князя Николая Павловича предполагаемому наследнику престола Константину Павловичу 27 ноября 1825 г. Рассмотрим пристально созданную Жуковским историческую картину с целью выявления особенности монархической концепции поэта в 1848 г.

Жуковский оставил нам два своих свидетельства о том, что происходило 27 ноября в Зимнем дворце: одно – это письмо к А.И. Тургеневу (написанное непосредственно на следующий день, 28 ноября 1825 г.), другое – «Письмо к графу Ш.» (лето 1848 г.). Между двумя текстами прошло 23 года, в течение которых Жуковский был свидетелем угрозы и падения законной власти (бунта на Сенатской площади, Французской революции 1830 г. и Польского восстания, «Весны народов» 1848 г.).

Сравним два описания событий 27 ноября 1825 г. в дворцовой церкви. 28 ноября 1825 г. Жуковский писал А.И. Тургеневу:

«...все, кто был **с ним вместе в церкви**, присягнули новому императору Константину. Великий Князь вял голосом и не мог произносить явственно слов присяги; но имя Императора произнес решительным и твердым голосом. Эта минута дала ему прекрасное место в истории и в сердце Русских. Эта минута была единственно утешительная в ужасный день нашей потери. Чувство добродетельного, высокого дела есть бальзам на рану сердца. Эта минута – поступок героический – спасла настоящее и пролила утешительный свет на будущее» [14. С. 202].

23 года спустя Жуковский описывает в политической статье «Письмо к графу Ш. О происшествиях 1848 г.» эту сцену, казалось, более детально и поэтому точно (?).

Первый кадр – получение известия о смерти Александра I:

разнесшееся по всему городу, послужило поводом заговорщикам возбудить такую всеобщую ненависть к принцу Прусскому» [4. Т. 6. С. 551]. В «Письме к графу Ш.» Жуковский также не рассматривает те поступки Фридриха Вильгельма IV во время бунта, которые возвышали его как монарха-человека, но одновременно унижали как самодержавного правителя. 19 марта 1848 г. король вышел из дворца к народу и обнажил голову перед погибшими в результате столкновения с войсками, которые были выведены из Берлина вечером.

<...> в 11 часов утра, вместе со многими приближенными к императорской фамилии, я находился в церкви Зимнего дворца <...> из алтаря выходит великий князь Николай Павлович, бледный <...> мало-помалу молившиеся разошлись <...>.

Второй кадр – рассказ о присяге:

<...> я не мог идти далее и возвратился на оставленное мною место в церкви; она была пуста <...> за престолом стоял безмолвный священник <...> и не прошло десяти минут – как вдруг снова отворяются северные двери: входит великий князь **Николай Павлович**. “Отец Криницкий”, говорит он священнику, поставьте налой и положите на него Евангелие” <...> “Читайте присягу” <...> дрожащим голосом повторял он за священником слова присяги; но когда надобно было произнести слова: государю императору Константину Павловичу, дрожащий голос сделался твердым и громким; все величие этой чудной минуты выражалось в его мужественном, решительном звуке [9. С. 213–214].

В письмах 1825 и 1848 гг. Жуковский одинаково высоко оценил факт присяги и достойное поведение Николая Павловича. Для Жуковского степень значимости этого мгновенья в 1848 г. по сравнению с 1825 г. качественно возросла: теперь это факт всеобщей и Божественной истории. «Утешительная», «героическая» «минута» трансформировалась в «возвышенную», «великую» «минуту», которая окружила царя и его власть божественным ореолом. Поэт активно продолжал участвовать в формировании официального языка и канона описания коллизии 1825 г.

Два изложения одной сцены отличаются друг от друга одной деталью – *количеством* присутствующих во время присяги Николая Павловича в дворцовой церкви. На картине присяги, нарисованной Жуковским в 1848 г., присутствуют только сам поэт, великий князь, отец Криницкий. Жуковский опускает подробности, не упоминает никого, кто стоял *реально* в момент присяги рядом с тогда еще великим князем Николаем Павловичем, т.е. генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа М.А. Милорадовича, принца Евгения Вюртембергского и генерал-адъютанта П.В. Голенищева-Кутузова. В «Письме к графу Ш.» Жуковский пытается «вспомнить» для своего читателя последующие жесты и слова Николая Павловича:

Совершив присягу и подписав присяжный лист, великий князь велел кликнуть одного из своих адъютантов. Кто был им послан и который из адъютантов явился: Кавелин, Перовский или Адлерберг, я не помню. “Сказать Михаилу Андреевичу Милорадовичу (он был тогда с.-петербургским генерал-губернатором), чтобы велел приводить к присяге гвардию”. Отдав такое приказание, великий князь вышел из церкви [9. С. 214–215].

Верифицировать приведенные Жуковским слова Николая I сложно. Как известно, М.А. Милорадович запугал на вечернем совещании 25 ноября Николая нелюбовью гвардии к нему, и именно он настоял на присяге Константину; 27 ноября во время присяги генерал-губернатор находился рядом с Николаем и лично контролировал щекотливую ситуацию (см.: [15. С. 15–26]). Если Милорадович находился рядом с Николаем во время присяги, то великий князь мог лично ему отдать приказ о присяге гвардии. Но в таком случае фраза Николая Павловича, приведенная Жуковским в статье, непонятна. Приведенная Жуковским фраза Николая приобретала очевидный смысл, если только допустить, что Милорадович, вероятно, вышел из церкви в тот промежуток времени, когда адъютант Николая Павловича еще не пришел в церковь.

В «Письме к графу Ш.» Жуковский искал широко известный факт: он «вывел» из церкви Милорадовича уже во время присяги Николая Павловича, который, согласно видению поэта, ее произнес свободно, без оглядки на генерал-губернатора. Поэт, знавший к 1848 г. тайные подробности междуцарствия, сознательно конструировал и идеализировал образ рыцаря Николая I¹. В этом отношении неслучайным предстает в статье и другое обстоятельство: во время присяги в дворцовой церкви, согласно описанию Жуковского, находились только Николай Павлович (с точки зрения 1848 г. император), священник и сам поэт. В этом фрагменте автор «Письма к графу Ш.» является перед читателем свидетелем союза между церковью и самодержавием, очевидцем самоотвержения власти, историком, постигающим в поступках монарха минутные проявления Промысла.

¹ Политическая статья «Письмо к графу Ш-ку. О происшествиях 1848 года» вошла в 10-й том собрания сочинений Жуковского (первые 9 томов вышли из печати в 1849 г., остальные три тома появились после смерти поэта в 1857 г.). Главные цензурные трудности на протяжении истории ее публикации вызывали три фрагмента: критические слова поэта в адрес Екатерины II, присяга Николая Павловича, апология действий Фридриха Вильгельма IV (см. [16. Л. 24 об.–25]. При подготовке тома прозы в 1856 г. статья Жуковского была вторично рассмотрена в цензурном комитете. Друг поэта П.А. Вяземский составил специальную записку, обратив внимание на описание присяги Николая I: «<...> все эти обстоятельства не совершенно согласны с теми, которые упоминались Бароном Корфом, но подобные расхождения не составляют впрочем исторического противоречия» [17]. Хотя интерпретация поэтом присяги Николая Павловича Константину Павловичу трансформировала реальную историческую картину, о чем государственным чиновникам было известно, но статья в целом поддерживала официальную версию этого события, изложенную М. Корфом в третьем издании (первом для широкой публики) книги «Восшествие на престол императора Николая I» (СПб., 1857). Именно поэтому фрагмент статьи о первом дне междуцарствия 1825 г. воспроизводился в последующих изданиях сочинений Жуковского.

«Письмо к графу Ш. О происшествиях 1848 г.» построено в том числе на противопоставлении двух архитектурных образов, которые воплощают различные политические идеи. 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майнев в соборе Св. Павла открылось общегерманское Национальное собрание. Устойчиво-отрицательным было отношение Жуковского к парламентаризму, в котором он видел разрушителя самодержавной власти и опасность коммунизма¹. В «Письме к графу Ш.» заседаниям немецкого парламента в церкви Св. Павла поэт противопоставил другой архитектурный символ – Кельнский собор; описанию празднования 600-летней годовщины его основания была посвящена вторая (самая короткая) часть статьи².

В «Письме к графу Ш.» Жуковский ввел оппозицию между самодержавием абсолютной власти и самодержавием народа. Поэт не приемлет в революционерах и депутатах парламента своеование и энтузиазм, отвержение религиозно-нравственных основ, за которыми он видит насилиственное вмешательство в Божий промысел. Это торжество мнимой свободы разрушает в итоге предначертанный свыше исторический путь. Символом этого профанного пути в статье становится Народное собрание, заседавшее в соборе Св. Павла во Франкфурте. Как в гимне «Боже, царя храни!»³, упоминанием о котором заканчивается первая часть статьи, так и в достройке Кельнского собора поэт видит соединение власти и народа, прозревает величие прошлого, настоящего, будущего: Фридрих Вильгельм IV «хочет достроить, а не разрушить для перестройки, древле начатый великий храм германского народа» [9. С. 227].

Описание государственного праздника, архитектурная метафора и тема «мирного внутреннего развития» сближают «Письмо к графу

¹ См. Позднее, критикуя избранное Народное собрание, Жуковский писал великому князю Александру Николаевичу: «Но немцы... Что сказать об этом парламенте с его единством или единицею Германии, производимою из нулей? Хотят Германии без государств германских, без истории, без народной личности, без народной славы, без любви к родине, без исторического благоприобретенного богатства. Не чистый ли это коммунизм? Не то же ли это, что уничтожение собственности, семейства, личности, чудовищное произведение больных конвульсивных умствований нашего века?» [4. Т. 6. С. 588].

² Как известно, возведение Кельнского собора началось в 1248 г. В 1842 г. Фридрих Вильгельм IV дал задание завершить достройку собора по первоначальному плану и 4 сентября на торжественной церемонии заложил камень. В Кельне 14–16 августа 1848 г. были устроены торжества, был освящен южный боковой неф. Источником сведений о празднике для Жуковского была газета «KölnisherZeitung» (№ 229).

³ В статье Жуковский не упоминает о своем авторстве гимна. Как полагает А.С. Немзер, истинная поэзия, по мнению поэта, «внеличностна, ибо она есть подражание Творцу, откровение <...> выражение общечеловеческого чувства» [10. С. 379].

Ш.» со статьей «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.», заканчивающейся значимым для позднего Жуковского аккордом – «Божия Правда» [9. С. 68]. В эпоху «Весны народов» Жуковский ясно подошел к мысли о том, что осуществление под властью самодержавного монарха так называемой *Божьей правды* приведет к гармонии между «земным» и «небесным». В отличие от депутатов, революционеров, «энтузиастов» император, по мысли Жуковского, обладает высокой, верующей душой и способен довериться Творцу, постичь божественный промысел и следовать его предназначению. Именно поэтому в «Письме к графу Ш.» ключевыми становятся сюжеты о самоотвержении власти и постижении монархом *Божьей правды*. Царь обретает, с точки зрения позднего Жуковского, подлинную нравственную и духовную свободу перед Богом в самоотвержении власти. В связи с монархической концепцией поэта здесь важно обратить внимание на нюансы в видении Жуковским военной проблемы.

В архиве Пушкинского Дома хранится брошюра с правкой и пометой неизвестного, в которой приведен полный – без цензурных купюр – текст «Письма к графу Ш.». В квадратных скобках указаны приблизительные даты ее выхода: 1848–1851 гг. Эта брошюра состоит из нескольких переплетенных страниц, без имени автора, без времени и места печати. Схожим образом печатались в 1830-е гг. для узкого, придворного круга сочинения Жуковского («Черты истории государства Российского» и «Введение в историю государства Российского»). Неизвестный читатель сосредоточил основное внимание на фрагментах, связанных с междуцарствием 1825 г. Однако в начале статьи он выделил в рамку тревожное рассуждение Жуковского о ситуации в Германии: отрывок, начинающийся фразой «Ужас берет при мысли о ее будущем...» и заканчивающийся словами «...война необходима?» [18. Л. 7–11].

На протяжении «Весны народов» общий пафос и риторика высказываний Жуковского в статьях и письмах носили однозначно антивоенный характер: поэт боялся возможной войны и постоянно акцентировал идею внутреннего мирного развития России, не вмешивающейся в дела Европы. Позднее Жуковский сделал одно исключение. В 1850 г. в статье «Русская и английская политика» поэт, специально создав концепцию справедливой войны и окружив божественным ореолом русского царя, оправдал оказание Николаем I военной помощи австрийскому императору Францу-Иосифу в борьбе против революционеров (см. подробнее: [19. С. 191–203]). Апологии венгер-

ской кампании 1849 г. предшествовало создание Жуковским Иерусалимского проекта в письмах к великим князьям Александру и Константину Николаевичам (конец 1849 – начало 1850 г.). По утопическому замыслу Жуковского, Николай I должен возглавить европейскую христианскую армию, которая бескровно освободит от турков Иерусалим, вернет христианские ценности, что ознаменует нравственное пробуждение и в итоге приведет к спасению Европы от революции (см. подробнее: [12. С. 103–114]).

Проживая в революционной Европе и находясь в сложном душевном состоянии, Жуковский искал источник твердой надежды, внутреннего утешения и нашел его в работе над «Одиссеей» (см.: [20. С. 235–261]) и отвлеченных идеях *Святой Руси / Божьей правды*, а также в практической охранительной политике Николая I и концепции внутреннего мирного строительства. В политическом сознании Жуковского идеалистическое представление о самодержавной, абсолютной власти оказалось тем идеологическим резервуаром, в котором встретились, сочетались и кристаллизовались различные, противоположные понятия «мира и войны». Прорывавшиеся в статьях и письмах поэта отдельные попытки сакрализации русского царя и самодержавной власти в итоге идеологически подталкивали мирного Жуковского в сторону принятия военного сценария, к созданию себе и другим идеализированного представления и понимания войны. Парadox политического мышления поэта заключался, однако, в самой идее развития империи без ее продвижения, без приобретения новой территории¹. Империя – понимаема как *Святая Русь* – должна увеличиться не горизонтально (в geopolитическом смысле), а преобразиться духовно – на вертикальной оси.

Литература

¹ Не случайно, что в «Письме к графу Ш.» Жуковский осудил Екатерину II за раздел Польши. Вместе с тем поэт подчеркнул: ее внуки Александр I и Николай I не имеют права восстановить историческую справедливость, так как они несут личную ответственность за целостность и твердость унаследованного ими государства. Историческая оценка поэта восходит к рассуждению Н.М. Карамзина «Мнение русского гражданина [Письмо Александру I по поводу проекта восстановления Польши]» (1819). На конкретном примере из русской истории Жуковский вводит в статью одну из главных идей своей монархической концепции – представление о царе-хранителе. Характерно, что осуждающие Екатерину II слова были запрещены цензурой [16. Л. 24 об.–26], и этот фрагмент из «Письма к графу Ш.» не печатался в изданиях собраний сочинений поэта в XIX в. Впервые отрывок был опубликован в Полном собрании сочинений Жуковского в 1902 г.

1. Жуковский В.А. Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова СПб., 1878.
2. Выскочеков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия. 2003.
3. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852. М.: Знак. 2009.
4. Жуковский В.А. Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова СПб., 1885.
5. Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuel française (1839–1856). Р., 1967.
6. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М., 2006.
7. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
8. Шляпкин И.А. Исторические взгляды Жуковского и 1848 г. // РНБ. Ф. 865. № 146.
9. Василий Жуковский. Проза поэта / сост. и предисл. А. Немзера. М.: Вагриус. 2001.
10. Немзер А. При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М., 2013.
11. Киселева Л. Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом»: сб. ст. в честь Татьяны Владимировны Цивьян / сост. Л.О. Зайонц. М., 2007.
12. Гузairov T. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования // Dissertations Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis 19. Тарту, 2007.
13. Жуковский В.А. О происшествиях 1848 г. // РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 45.
14. Письма В.А. Жуковского А.И. Тургеневу // Русский Архив. <Приложение>. 1895.
15. Гордин Я. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. М., 1997.
16. Замечания цензора К.С. Сербиновича на сборник статей, писем и воспоминаний В.А. Жуковского // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289. Л. 24 об.–26.
17. Вяземский П.А. Записка о рассмотрении сочинений В.А. Жуковского в [цензурном] комитете. 1856 // РНБ Ф. 236. Данилевский Г.П. № 184.
18. Жуковский В.А. Письмо к графу Ш-ку // ПД. Р. 1. Оп 9. № 6. Л. 7–11.
19. Гузairov T. История – Полководец – Поэзия: политическая триада В.А. Жуковского (из комментариев к статье «Русская и английская политика») // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013.
20. Виницкий И. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006.

PEACE AND WAR: A PARADOX OF THE IMPERIAL CONSCIOUSNESS (FROM THE COMMENTARIES ON VASILY ZHUKOVSKY'S ARTICLE "A LETTER TO COUNT SH. ON THE EVENTS OF 1848").

Imago and Comparative Studies, 2014, 1, pp. 22–35. DOI 10.17223/24099554/1/2
Guzairov Timur. University of Tartu (Tartu, Estonia). E-mail: timguz@yandex.ru

Keywords: revolution, war, peace, the absolute monarchy power, political imagination

Having retired in 1841, Zhukovsky left Russia and settled in Europe. During the last, so-called "foreign", period of his life, especially during the revolutionary years of 1848–1850, the poet attentively followed the social and political events in Europe and Russia. In the letters and articles he constantly reflected on the peaceful and military scenarios of solving the political crisis.

Zhukovsky's "A Letter to Count Sh. On the Events of 1848" is his first and detailed analysis of the so-called "Spring of Nations". Written in the summer of 1848 this article is in the form of a letter to a German poet Count Adolf Friedrich von Schack. The poet examines the political importance of the absolute monarchy and traditions as well as an interaction between the imperial power, the people and history in the new historical context. He criticizes Russophobia, national revolt, communism, parliamentarism and secularization of the absolute monarchy power. Zhukovsky insists on the peaceful internal development of Russia and formulates an idea about its special way to the "Holy Rus" and "God's Truth".

The poet's political conception is closely connected with idealization of the absolute power and sacralization of the Russian Tsar. According to Zhukovsky, a particular feature of an ideal monarch consists in his ability to reject the power. It is not coincidental that the poet constructs a transformed and ideal narrative of the controversial oath by Grand Duke Nicholas Pavlovich on November 27, 1825.

In the article, Zhukovsky is intent to show that a monarch, especially the Russian Tsar, in contrast to the deputies and revolutionaries, has a believing soul, that is why he is able to trust God, perceive the Divine Providence and follow his destiny. The thoughts about Nicholas I, his personality and historical mission are the integral part of the poet's general historical conception.

In 1848–1849, Zhukovsky was afraid of a possible war in Europe with Russia's participation. In the letters to Grand Duke Alexander Nicholaevich the poet constantly emphasized the idea that the Russian Tsar should not interfere in the domestic affairs of other revolutionary countries in Europe. But later in 1850, in the article "The Russian and English Politics", Zhukovsky formulated the concept of a just war and, as a result, he justified Nicholas I's military help to the Austro-Hungarian Emperor, Franz-Joseph, against the revolutionaries.

The political consciousness of Zhukovsky is characterized by the idealized concept of the absolute monarchy power. This political idea becomes an ideological reservoir for constructing the controversial interaction between the notions of "peace" and "war". Zhukovsky's paradox, as reflected in his articles, consists in the idea of the spiritual transformation of Russia that is based on the political development of the Empire without conquering any new territory.

References

1. Zhukovskiy V.A. *Sochineniya*: v 6 t. [Works. In 6 vols.]. St. Petersburg, 1878.
2. Vyskochkov L. *Nikolay I* [Nicholas II]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003. 693 p.
3. *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy. 1813–1852* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina. 1813–1852]. Moscow: Znak Publ., 2009. 728 p.
4. Zhukovskiy V.A. *Sochineniya*: v 6 t. [Works. In 6 vols.]. St. Petersburg, 1885.
5. Cadot M. *L'image de la Russie dans la vie intellectuel française (1839–1856)*. Paris: Fayard, 1967. 641 p.
6. Yanushkevich A.S. *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 523 p.
7. Ayzikova I.A. *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [The genre and stylistic system of V.A. Zhukovsky's prose]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2004. 403 p.
8. Shlyapkin I.A. *Istoricheskie vzglyady Zhukovskogo i 1848 g.* [The historical views of Zhukovsky and 1848]. The Russian National Library. F. 865, no. 146.
9. Zhukovskiy V. *Proza poeta* [The prose of the poet]. Moscow: Vagrius Publ., 2001.

10. Nemzer A. *Pri svete Zhukovskogo: Ocherki istorii russkoy literatury* [In the light of Zhukovsky: Essays on the history of Russian literature]. Moscow: Vremya Publ., 2013. 1022 p.
11. Kiseleva L. *Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoy Rusi* [The dialogue of Viazemsky and Zhukovsky of Holy Russia]. In: Zayonta L.O. (ed.) *Na mezhe mezh Golosom i Ekhom* [On the Verge between Voice and Echo]. Moscow, 2007.
12. Guzairov T. *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky – a historian and ideologist of the reign of Nicholas]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007.
13. Zhukovskiy V.A. *O proisshestviyah 1848 g.* [About events of 1848]. The Russian National library. List 2, no. 39, L. 45.
14. *Pis'ma V.A. Zhukovskogo A.I. Turgenevu* [Letters of V.A. Zhukovsky to A.I. Turgenev]. Russkiy Arkhiv, 1895.
15. Gordin Ya. *Myatezh reformatorov. 14 dekabrya 1825 goda* [The mutiny of reformers. December 14, 1825]. Moscow: TERRA Publ., 1997.
16. *Zamechaniya tsenzora K.S. Serbinovicha na sbornik statey, pisem i vospominanij V.A. Zhukovskogo* [The notes by Censor K.S. Serbinovich on a collection of articles, letters and memoirs of V.A. Zhukovsky]. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1673. List 1, no. 289. L. 24 ob. №26.
17. Vyazemskiy P.A. *Zapiska o rassmotrenii sochineniy V.A. Zhukovskogo v tsenzurnom komitete. 1856* [On the review of the works of V.A. Zhukovsky by the Censorship Committee. 1856]. The Russian National Library. Fund 236. Danilevskiy G.P. no. 184.
18. Zhukovskiy V.A. *Pis'mo k grafu Sh-ku* [A Letter to Duke Sh-k]. PD. R. 1. List 9. No. 6. L. 7-11.
19. Guzairov T. *Istoriya – Polkovodets – Poeziya: politicheskaya triada V.A. Zhukovskogo (iz kommentariev k stat'e "Russkaya i angliyskaya politika")* [History - Commander - Poetry: the political triad of V.A. Zhukovsky (from the comments on the article "Russian and English policy")]. In: Yanushkevich A.S. (ed.) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and Materials]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2013, iss. 2, 726 p.
20. Vinitskiy I. *Dom tolkovatelya: Poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The house of the interpreter: Poetry semantics and historical imagination of V.A. Zhukovsky]. Moscow: NLO Publ., 2006. 322 p.